АБХАЗСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

ГУМБА

ГУРАМ ДЖОТОВИЧ

ЭНОКУЛЬТУРНЫЕ И МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЦЕНТРАЛЬНОМ ЗАКАВКАЗЬЕ (I ТЫС. ДО Н.Э.)

Специальность:
07.00.03 – Всеобщая история
07.00.07 – Этнография, этнология и антропология

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Сухум - 2022

Диссертация выполнена на кафедре
Истории, археологии и этнологии Абхазии АГУ

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор
Бигуаа Валерий Левардович

доктор исторических наук, профессор
Арутюнян Акоп Жораевич

доктор исторических наук, профессор
Сефербеков Руслан Ибрагимович

Ведущая организация: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования **«Белгородский государственный национальный исследовательский университет**» (НИУ «БелГУ»)

Защита состоится в « 11.00 » часов « 13 » июня 2022 г. на заседании разового Диссертационного Совета при АГУ на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.03 – Всеобщая история и 07.00.07 – Этнография, этнология и антропология по адресу: Республика Абхазия, г. Сухум, ул. Университетская 1.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Абхазского государственного университета.

Автореферат разослан « 13 » мая 2022 г.

Отзывы на автореферат, заверенные печатью, просим присылать по адресу: 384904, Республика Абхазия, г. Сухум, ул. Университетская 1, istoricheskiy.fakultet@mail.ru

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат философских наук, доцент АГУ Квициния М.Б.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Этнокультурные, миграционные и этнополитические процессы на территории Центрального Закавказья в I тыс. до н.э. являются одними из актуальных и интересных тем древней истории, без изучения которого невозможно представить целостную картину исторических событий как на Кавказе в целом, так и в близлежащих регионах. Возрастающий в настоящее время интерес к изучению особенностей исторического и этнокультурного развития центральной части Южного Кавказа связано и с тем, что он являлся тем узловым местом военно-стратегического значения, где сталкивались интересы великих держав, скрещивались потоки этнических передвижений, международных транспортных путей, связывавших Запад с Востоком и Юг с Севером, протекал процесс конвергенции разных миров и культур. В этом плане рассматриваемый регион и сегодня остается своеобразным системообразующим явлением.

Исследование особенностей этнокультурных и миграционных процессов в центральной части Южного Кавказа в I тыс. до н.э. позволит провести комплексный анализ исторического развития региона и лучше понять те изменения, которые протекали в целом на Кавказе. Центральная часть Южного Кавказа являлась, как упоминалось, местом пересечения множества различных по своему происхождению этнических групп, часть которых оседала здесь, привнося новую культурную струю и обогащая, таким образом, этнокультурное богатство региона. Именно происходившие в I тыс. до н.э. миграционные процессы, интенсивные межэтнические обмены и активизация культурных связей сформировали, в конечном итоге, ту основу, которые определили этнокультурный облик данного региона на последующие века. Значимость актуальности рассматриваемой проблемы связана и с необходимостью рассмотрения специфики регионального исторического процесса как составляющей цивилизационного развития более обширных регионов Кавказа, Передней Азии и Юго-Восточной Европы.

К древней истории стран Южного Кавказа обращались многие исследователи, однако в исторической науке до настоящего времени отсутствуют системные исследования этнокультурной и политической истории данного региона в I тыс. до н.э., в связи с чем целый ряд вопросов до сих пор не получил удовлетворительного решения. Исследования по древней истории региона проводились в основном с точки зрения ее значимости в истории того или иного народа, ныне его населяющего. Отсутствие историографической традиции рассмотрения древней истории Центрального Закавказья в плане единого в историко-культурном и политическом отношениях пространства привело к тому, что целостная система научных представлений о его древней истории так и не сложилась. Вместо этого мы видим противоречивые концепции и подходы со стороны национальных историографий стран Южного Кавказа. Изучение истории Центрального Закавказья в отрыве от общекавказского исторического процесса и древнего этнокультурного пласта, без учета вклада и роли пересекавших и оседавших здесь многих уже исчезнувших этносов в становление тех или иных ныне его населяющих народов чревато искажением исторической реальности. Современные тенденции развития исторической науки требуют исторически ориентированного, системного уровня осмысления происходивших миграционных и этнокультурных процессов в данном регионе.

История Центрального Закавказья I тыс. до н.э. тесно переплетена с судьбами Колхиды, Северного Кавказа, Кавказской Албании, Урартского царства, Мидии, Ахеменидской империи, Армении, а также номадов степей Восточной Европы и Прикаспия. До VI века до н.э. влияние на центральные регионы Южного Кавказа оказывало Урартское царство, а с VI в. до н.э. по конец IV в. до н.э. – Мидия и Ахеменидская Персия, расширившие свои границы на Южном Кавказе почти до срединного течения реки Куры. Во II веке до н.э. в период правления армянского царя Тиграна II Великого территория центральной части Южного Кавказа к югу от реки Кура вошла в состав Армении, а остальная часть находилась в вассальной зависимости. Потому

только комплексное изучение истории данного региона с учетом древнего этнокультурного пласта в контексте общей истории стран Кавказа и Передней Азии рассматриваемого периода с использованием инструментария этнографии, этнологии и антропологии может устранить многие существующие до сих пор в науке противоречия, устойчивые, довольно спорные стереотипы и позволит реконструировать наиболее приближенную к исторической реальности общую картину.

Исследования по данной проблеме имеют важное прагматическое значение, поскольку способствуют формированию более высокого уровня исторического сознания, пониманию смысла и значения опыта этнокультурных контактов и взаимовлияния народов, истоки которых уходят в глубокую древность, что чрезвычайно важно для современного полиэтнического региона. Данная диссертационная работа имеет также историографическую значимость: это первое специальное комплексное исследование этнокультурных, миграционных и этнополитических процессов Центрального Закавказья в течение I тыс. до н.э.

Степень исследованности темы настоящей работы можно охарактеризовать следующим образом: отдельные вопросы этнокультурных и миграционных процессов рассматриваемого периода касались в своих работах К.М. Туманов, Н.Я, Марр, И.А. Джавахишвили, С.Т. Еремян, Г.А. Меликишвили, А.П. Новосельцев и др., обоснован ряд положений относительно этнополитических и культурных процессов на территории исследуемого региона в I тыс. до н.э., проработан ход отдельных миграционных процессов, однако общая и полная картина этих событий, основанная на детализации сообщений письменных источников, включая и новые, на данный момент отсутствует. До настоящего времени исследовались лишь отдельные аспекты этнических и политических процессов в регионе и то зачастую в отрыве от общекавказского исторического процесса и без учета древнейшего этнокультурного пласта. При этом не предпринимались попытки монографического исследования всего комплекса этнокультурных,

миграционных и этнополитических процессов, если не считать авторских публикаций.

Цель и основные задачи диссертационного исследования — комплексное исследование миграционных процессов, этнокультурной и этнополитической истории населения Центрального Закавказья в I тыс. до н.э. на основе сопоставительного анализа сведений письменных источников, с привлечением археологических материалов, данных топонимики, лингвистики, антропологии и фольклора; рассмотрение этнических процессов, вызванных как социально-экономическим, политическим и культурным развитием населения, так и переселением в регион различных по этническому происхождению племен, а также анализ целей и задач, которые в тот период преследовали соседние державы того времени по отношению к региону.

На основе комплексного сопоставительного анализа выявления этнической принадлежности и территории локализации племен, упоминаемых письменными источниками на территории Центрального Закавказья рассматриваемого периода; определения этапов и причин миграционных процессов и их влияния на этнокультурные процессы в регионе; изучение проблемы генезиса и развития складывавшихся здесь политических образований.

Изучение исторических предпосылок оформления государственности в Центральном Закавказье, время, условия и этапы ее становления. Исследование ключевых внутренних и внешних явлений и факторов, предопределивших становление Картлийского (Иберийского) царства. Наконец, определение место Центрального Закавказья на геополитическом фоне того периода. Диссертантом ставилась также задача составления первичного свода имеющегося по рассматриваемой теме материала, который в определенной степени мог бы оказать помощь в дальнейшем исследовании затронутых вопросов.

Предметом диссертационного исследования являются этнокультурные, политические и миграционные процессы Центрального Закавказья в I тыс. до

н.э., отражающие сложные трансформационные процессы исторического развития; реконструкция хронологии и обстоятельств событий, связанных с миграционными процессами, определение степени их влияния на изменения этнокультурной и политической ситуации в центральных районах Южного Кавказа.

Хронологические рамки диссертации определяются проблематикой работы и охватывают период с VIII века до н.э. по II век до н.э. Нижний хронологический рубеж – VIII в. до н.э. – связан с первым, согласно дошедшими до нас сведениями, крупным перемещением племен с юга на Кавказ. Верхний хронологический рубеж ограничивается периодом распада государства Селевкидов и превращения Закавказья в арену постоянных и ожесточенных столкновений Рима и Парфянского Ирана за сферы влияния. Внутренняя логика исследования требует иногда обращаться к более ранним или более поздним источникам

Географические границы исследования охватывают территорию от долины реки Чорохи, Мосхийского и Лихского хребтов на западе до южного отрога Главного Кавказского хребта и реки Талачай, левого притока Алазани, на востоке; от Главного Кавказского хребта на севере, до Лори-Памбакской возвышенности на юге[1].

Теоретико-методологическую основу исследования составили базовые общенаучные методы: классические принципы историзма, этнологии, научной объективности, приоритета источников, системности в их изучения, позволившие придать работе научный, завершенный характер. Особое внимание уделялось исследованиям теоретического характера, методологии исследования, системному и комплексному использованию научных методов – конкретного анализа, сравнительно-этнологического, проблемно-хронологического, ретроспективного, сравнительно-типологического, историко-картографического, симбиоз которых позволил углубленно

[1] В настоящее время в периметр Центрального Закавказья входит Восточная Грузия, северная часть Армении, западные области Азербайджана и северо-восточные районы Турции.

исследовать проблему и, в конечном итоге, разрешить поставленные исследовательские задачи.

Обращение к исследованиям теоретического характера и к разделам в соответствующих работах[2] продиктовано необходимостью преодоления местной изолированности исторического знания и требованием постоянного сопоставления современных представлений о функциях, принципах и методах этнологического и исторического исследования с представлениями историков стран Южного Кавказа. Такой подход позволил проанализировать проблемы этнокультурной истории Центрального Закавказья указанного периода на системном уровне, выделив как закономерности, так и особенности происходивших на протяжении веков исторически значимых изменений, рассмотреть сложные этнические и культурные процессы, оценить степень разработанности основных проблем, повысить информационный уровень привлеченных источников, внести корректировки в сложившиеся научные представления, сформулировать основные концептуальные положения и теоретические обобщения.

Для данной работы характерно также использование традиционных для антиковедения методов историко-филологического анализа, нацеленных на адекватное понимание и истолкование текста, и методов собственно научно-исторического анализа, направленных на максимально точную реконструкцию исторических фактов, процессов и явлений. Такие методы конкретно-исторического исследования сочетаются с наиболее современными актуальными подходами и исследовательскими парадигмами, применяемыми в ряде фундаментальных социально-гуманитарных дисциплин. В их числе методологические подходы, развиваемые в рамках такого направления, как «новая культурно-интеллектуальная история», которая концентрирует

[2] Еремян С.Т. История армянского народа Т.I. Ереван: Академия наук Арм. ССР, 1971. С. 189-195; Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. М., 2006; Савицкий П.Н. Континент Евразия. М., 1997; Тойнби А. Постижение истории: Сборник / Пер. с англ. М., 1996; Ясперс К. Смысл и назначение истории: Пер. с нем. М.,1991.

внимание на конкретных, специфических для данного социума и эпохи способах трансляции знаний, идей и интеллектуальных форм, на их проявлении в коллективном сознании социальных групп и отдельных индивидов[3].

В работе применялись общие приемы историографического анализа: выяснение проблематики исторических трудов, анализ источниковой базы и методов работы историков, определялись принципы положенного в основу работ исторического познания, а также принципы и формы организации историком полученного материала. В основу названных приемов легли такие общегуманитарные методы, как герменевтика и феноменология, что позволило не только выявить мировоззренческие взгляды авторов, о которых они не заявляют прямо в своих сочинениях, или обнаружить скрытые, неявные смыслы авторского текста, но и рассматривать комплекс источников как единый феномен в контексте культурно-исторической ситуации. Применение метода сопоставительного анализа позволило осуществить сбор информации по проблеме, а также дало возможность аргументированных выводов, из всего многообразия материала составить целостную картину развития рассматриваемого региона.

Источниковая база диссертационной работы достаточно обширна. Исследование опирается на классическую античную, древнеармянскую и древнегрузинскую письменную традицию с широким привлечением археологических материалов, данных топонимики, лингвистики, антропологии и этнографии, значительная часть которых впервые вводится в научный оборот. Для рассматриваемого периода очень ценны сведения о населении Южного

[3] Зверева Г.И. Понятие «исторический опыт» в «новой философии истории» // Теоретические проблемы исторических исследований. - М., 1999. Вып. 2. - С. 104-117; Зверева Г.И. Понятие «новизны» в новой интеллектуальной истории // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2001. Вып. 4. - С. 45-54; Репина Л.П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). - М., 2003; Репина Л.П. Междисциплинарность и история // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2004. Вып. 11. - С. 5-17; Репина Л.П. Память о прошлом и истории // Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории / Под ред. Л.П. Репиной. - М.: Круг, 2008; Ястребицкая А.Л. О культур-диалогической природе историографического: Взгляд из 90-х // XX век: Методологические проблемы исторического познания / Ред. А.Л. Ястребицкая. - М.: ИНИОН РАН, 2001. - Ч. 1. - С. 8- 53;

Кавказа, содержащиеся в ассирийских и урартских клинописях. Эти данные позволяют определить места расселения этногрупп, упоминаемых в клинописях Южного Кавказа. Очень важны сведения античных авторов – Геродота (484 – 425 гг. до н.э.), Ксенофонта (род. 430-425 гг. – 355 г. до н.э.), Страбона (64/63 гг. до н.э. – ок. 20. г. н.э.), Плиния Старшего (23/24 – 79 гг. н.э.), Клавдия Птолемея (после 83 г. – после 161 гг. н.э.)[4] и др.

Особое значение для нашего исследования имеют древнеармянские и древнегрузинские источники. В «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци (ок. 410 г. – конец V в. н.э.), «Ашхарацуйце» («Армянская география VII в.»), «Истории императора Ираклия» Себеоса (начало VII века — после 661 года), «Всеобщей истории» Вардана Аревелци (около 1198 г. – 1271 г.)[5] широко использованы не дошедшие до нас древневосточные исторические и географические источники (в том числе и документальные) – халдейские, вавилонские, персидские. Благодаря этому мы имеем богатые и достаточно конкретные разнообразные сведения об историческом прошлом Южного Кавказа интересующего нас периода.

Важные сведения содержатся в сочинении древнегрузинского историка XI в. Леонти Мровели «Жизнь картлийских царей и первоначальных отцов и предков», с которого начинаются все известные списки раннего цикла грузинского летописного свода «Картлис цховреба»[6]. Отношение к

---

[4] Геродот. История. М., 2002; Ксенофонт. Анабасис. М., 2003; Страбон. География в 17 книгах. М., 1994; Plinii Secundii Naturalis historiae. Cambr., Mass.-L., 1950-1962; Clavdii Ptolomaei Geography. Ed. Muller C. Parisitis, 1901.

[5] Мовсес Хоренаци. История Армении (на древнеарм. яз.). Тифлис, 1913; Матенадаран. Институт древних рукописей им. Месропа Маштоца, Ереван. Рукописи за №№ 582, 696, 1287, 1459, 1486, 1518, 1717, 1883, 1898, 2019, 3691, 4284. Ашхарацуйц Мовсеса Хоренаци (на древнеарм. яз.). Венеция, 1881; Еремян С.Т. Армения по «Ашхарацуйц» (на арм. яз.). Ереван, 1963; История Себеоса (на древнеарм. яз.). Ереван, 1980; Всеобщая история Вардана вардапета (на древнеарм. яз.). Венеция, 1862.

[6] Картлис цховреба (История Картли). Грузинский текст, установленный по всем основным рукописям С.Г. Каухчишвили. Тбилиси, 1955; «Мокцевай Картлисай» // Памятники древнегрузинской агиографической литературы. Кн. I. Тбилиси, 1963; Мровели Леонти. Жизнь картлийских царей. Извлечение сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана. Перевод с древнегрузинского, предисловие и комментарии Г.В. Цулая. М., 1979; Обращение Грузии. Перевод с древнегрузинского Е.С. Такайшвили. Тбилиси, 1989;

информации, представленной Леонти Мровели, в научной литературе было неоднозначно и варьировалось от абсолютного отрицания ее ценности до полного ее приятия. Однако благодаря источниковедческим исследованиям, проведенным Г.К. Каухчишвили, К.С. Кекелидзе, Г.А. Меликишвили, М.К. Андроникашвили, З.В. Анчабадзе, В.Б. Ковалевской; З.Ш. Дидебулидзе, Н.Ю. Ломоури, В.Б. Виноградовым, Г.В. Цулая и др., убедительно доказана научная ценность приведенных в труде Леонти Мровели основных фактов, касающихся древней истории грузинского народа и ряда других народов Кавказа. В этой связи следует подчеркнуть важный факт: многие сведения «Картлис цховреба» об истории Картли второй половины I тыс. до н.э. подтверждаются данными археологических материалов, что, естественно, повышает научную ценность и достоверность данных, приведенных в источнике.

Характер данного исследования таков, что разбор и критический анализ корпуса исторических источников, ставших его фундаментальной основой, а также содержащихся в научной литературе точек зрения по исследуемой теме оказывается возможным лишь в ходе изложения основной части работы.

Достоверность и обоснованность научных положений и выводов обусловлены избранными методами теоретического исследования, которые адекватны его объекту, предмету, целям и задачам, а также непосредственным изучением источников.

Основные положения диссертации, выносимые на защиту:

1. Выделены пять этногеографических областей Центрального Закавказья: Месхети, Картли, Гугарк (Гогарена), Дуалетия и Цанария; определены их границы. Границы Картли на севере проходила не по Главному Кавказскому хребту, как это было принято считать раннее, а начиналась от северного отрога Лихского хребта, оттуда шла на юго-восток по Ломийскому хребту и по

Древнеармянский перевод грузинских исторических хроник // Картлис цховреба. Грузинский оригинал и древнеармянский перевод с исследованием и вокабулярием издал И.В. Абуладзе. Тбилиси, 1953.

северной окраине области Базалети, до слияния р. Арагви с Пшавской Арагви около местности Жинвали.

2. *Сарматские ворота* Птолемея, *Иверийские ворота* позднеантичных авторов, *Цилканские ворота* «Ашхарацуйца», *Дарубал* и Дурдзукские ворота древнегрузинских авторов находились у слияния Арагви с Пшавской Арагви около Жинвали.

3. Термин *Картли* в позднеантичный период употреблялся в источниках в двух смыслах и обозначал как созданное Сасанидами Картлийское марзпанство, так и собственно Картлийское царство. В связи с этим, нельзя отождествлять территорию Картлийского марзпанства с территорией собственно Картлийского царства.

4. Упоминаемые в урартских и ассирийских надписях в центральных районах Южного Кавказа племена цудала, дидини, шешетина, иштикунив, диаухи, этиаухи (этиуни), мосхи (мосохи) принадлежали к нахско-дагестанскому этнокультурному миру.

5. Сведения древнеармянских и древнегрузинских источников о кавказских хонах периода до появления на Кавказе тюркоязычных гуннов основаны на исторических реалиях и находят множество подтверждений. Они убеждают в том, что в сообщениях древних авторов следует различать кавказских (нахских) хонов Центрального Кавказа и тюркских гуннов (хуннов) Западного Прикаспия.

6. Племена, населявшие в древности обширную территорию Центрального Закавказья, известные из источников как цаны-махелоны, цанары, гугары, принадлежали к нахскому этнокультурному миру.

7. Выявлены и охарактеризованы два потока крупных перемещений населения с юга в центральные районы Кавказа в I тыс. до н.э.: первый – рубеж VII-VI вв. до н.э. – нахско-дагестанских и родственных им хуррито-урартских и второй – рубеж IV-III вв. до н.э. – древнегрузинских племен.

8. Устанавливаются два пути, по которым племена шли с юга в районы Центрального Закавказья: первый путь пролегал на север и северо-запад по

нагорной плоскости Юго-Восточного Причерноморья, западные предгорья Мосхийского и Лихского хребтов, вдоль реки Куры; второй путь шел на северо-восток в сторону областей Гугарк и Гардман, в междуречье Алазани и Иори и далее на север.

9. Истоки исторической концепции Леонти Мровели восходят к хуррито-урартской и нахско-дагестанской историко-культурной общности. Начальным этапом и общим достоянием всех перечисляемых в генеалогической таблице народов является Урартский период.

Научная новизна диссертации определяется системностью проведенного исследования, в основе которого лежит разработка этнологических, источниковедческих и историографических проблем, позволяющих достичь концептуального уровня репрезентации темы. Она обусловлена также тем, что предпринята попытка в рамках единого и всестороннего исследования истории Центрального Закавказья в контексте общей истории стран Кавказа и Передней Азии, определения места Центрального Закавказья в истории Кавказа и Передней Азии I тыс. до н.э. Сформирован комплекс источников, включающий источники исторические, археологические, этнографические, языковые, сопоставительный анализ которых позволил создать более аргументированную картину происходивших этнокультурных и политических процессов в регионе. Вскрыта причина существующей в древнегрузинской исторической традиции двух взаимоисключающих концепций о появлении картвельских племен на Кавказе. Выявлены истоки исторической концепции и происхождения генеалогической таблицы кавказских народов Леонти Мровели.

В диссертационной работе впервые установлена последовательность и этнический состав двух крупных миграционных потоков в центральные районы Южного Кавказа в I тыс. до н.э., причины и характер этих переселений, их влияние на формирование этнокультурных особенностей данного региона. Большое место отведено освещению культурно-исторических процессов, имевших место в Центральном Закавказье в I тысячелетии до н.э.,, а также выявлению тех связей населения региона с близлежащими областями Кавказа и

Передней Азии, которые существенным образом влияли на происходившие здесь этнические, культурные и политическое процессы. Эти и многие другие вопросы рассмотрены на основе данных письменных источников, археологии, топонимики, языка, антропологии и фольклора.

Пристальное внимание в работе уделено выявлению древних этнонимов и топонимов в исторических и географических источниках и их локализации. На основе дополнительных исследований внесены коррекции в локализации ряда древних этнонимов и топонимов, составлены соответствующие карты. На основании результатов изучения исторических источников выделены пять исторических областей Центрального Закавказья – Картли, Месхети, Гугарк, Цанария и Двалетия, определен этнический состав и очерчены их границы во второй половине I тыс. до н.э. Раскрыта причина существующего противоречия в историографии по времени и характеру становления Картлийского царства. Уточняется время становления Картлийского царства и его границы, по новому рассматривается проблема происхождения царской династии Фарнавазианов (Парнавазианов). Новизна работы связана также с целым рядом заключений относительно политического влияния на события в Центральном Закавказье нахского раннегосударственного объединения Центрального Кавказа, особенно в период становления Картлийского царства.

Научная и практическая значимость диссертации состоит в том, что ее материалы и положения могут быть использованы для дальнейшего теоретического осмысления древней истории как Центрального Закавказья, так и всего Кавказа. Основные итоги исследования могут быть использованы: при написании новых обобщающих работ по древней истории и этнографии народов Кавказа, учебников, учебных пособий, справочников; в исследовательской деятельности научных учреждений, а также лекционных и специальных курсов исторических, востоковедных и кавказоведных факультетов вузов, при написании диссертаций, дипломных и курсовых работ студентами и аспирантами.

Научная апробация исследования. Основные положения и выводы диссертации опубликованы в двух монографиях (одна в соавторстве), одной брошюре и в серии статей; докладывались на международных научных конференциях и сессиях. По теме диссертации опубликованы 26 работ общим объемом 78 п. л. Они нашли отражение в лекционных и специальных курсах по истории и культуре народов Кавказа, подготовленных и прочитанных автором в 2000–2020 гг. на историческом факультете Абхазского госуниверситета.

Материалы и выводы диссертационного исследования нашли отражения в коллективных учебных пособиях по истории Чечни и Ингушетии[7]; монография автора «Нахи: вопросы этнокультурной истории (I тыс. до н.э.)» включена в перечень обязательной литературы «Программы государственной итоговой аттестации» по направлению «История», магистерскую программу – «Этнополитическая история Северного Кавказа в эпоху древности и средневековья» Кабардино-Балкарского госуниверситета[8].

Структура диссертации построена в соответствии с ее целями и задачами. Работа состоит из введения, четырех глав, включающих 15 параграфов, заключения, списка использованных источников и литературы, списка сокращений и карт.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** представлена актуальность темы диссертации, обозначены цели и задачи исследования, определены хронологические и географические рамки, охарактеризована методологическая основа, помещены сведения о степени разработанности проблемы и источниковой базе исследования, обоснована научная новизна, сформулированы основные положения, выносимые на защиту, дано обоснование соответствия диссертации паспорту научной специальности, выявлены теоретическая и практическая значимость

[7] История Ингушетии. Нальчик, 2011; История нахов Передней Азии, Кавказа и Чечни. М., 2019.

[8] Программа государственной итоговой аттестации / Сост. Е.Г. Муратова, П.А. Кузьминов. Нальчик: ФГБОУ КБГУ, 2019. С. 33.

работы, приведены сведения об апробации результатов работы и структуре диссертации.

Глава I – *Древнейшее население Центрального Закавказья* – состоит из 5 параграфов. В **первом параграфе** – *Историко-географические области Центрального Закавказье»* – рассматриваются вопросы исторической географии. В грузинской историографии территория Картли занимает почти всю центральную часть Южного Кавказа и делится на *Верхнюю Картли (Земо Картли), Внутреннюю Картли (Шида Картли)* и *Нижнюю Картли (Квемо Картли).* Однако такие понятия, как *Верхняя Картли* и *Южная Картли*, в древних источниках не засвидетельствованы. Понятие *Верхняя Картли* (*Земо Картли*) в обозначении территории, располагавшейся от Ташискари у входа в Боржомское ущелье (совр. Хашурский р-н Грузии) до Чорохи, впервые в грузинскую историко-географическую терминологию ввел Вахушти Багратуни (1696-1757)[9]. Данная территория в древних источниках называлась *Мосхия* (*Месхети).* Понятие *Нижняя Картли (Квемо Картли)* также не встречается в древнегрузинских исторических хрониках, нет его и у Вахушти.

В действительности Центральное Закавказье в древности включало в себя пять историко-географических областей – Мосхия (Месхети), Картли, Цанария (Кахети), Гугарк (Гогарена) и Двалети. *Мосхия (Месхети)* занимала территорию от местности Ташискари у входа в Боржомское ущелье до реки Чорохи.

Собственно историческая *Картли* (*Шида Картли, Внутренняя Картли*) охватывала бассейн р. Куры от местности Ташискари до г. Тбилиси, расположенный между Лихским (Сурамским) хребтом и рекой Арагви. На юге граница Картли проходила по Триалетскому хребту. Северная граница Картли проходила не по Главному Кавказскому хребту, как это изображается в современной исследовательской литературе, а пролегала с запада на восток, начиная от северного отрога Лихского хребта, по Ломийскому хребту и по северной окраине Картлийской области Базалети, до слияния р. Арагви с

[9] Вахушти Багратиони. История царства Грузинского. Тб., 1976. С. 9-10.

Пшавской Арагви около местности Жинвали. Именно здесь, у северных пределов Картли около местности Жинвали, находился горный проход, известный у Птолемея как *Сарматские ворота*, у Плиния – *Кавказские ворота,* в «Ашхарацуйце» – *Цилканские ворота,* в Картлис цховреба» – *ворота Дарубал, Дурдзукские ворота*.

Территория *Цанарии* лежала к северу и востоку от Картли. С юга-востока она начиналась от северо-западных границ Кавказской Албании по срединному течению реки Алазани и Цилканских (Сарматских) ворот около Жинвали, и оканчивалась на севере областью, лежащей севернее Дарьяльских (Аланских) ворот. Помимо Дарьяльского ущелья Цанария охватывала и территорию пховов (пшавы и хевсуры), гудамакар, цхаватов, чарталов, цилкан и тушин.

Двалетия лежала на северных и южных склонах Главного Кавказского хребта: на Северном Кавказе она охватывала южную часть Алагирского ущелья, а в Закавказье – ущелья рек Большой и Малой Лиахви, Ксани, Проне и на западе граничила с Цанарией. На юге граница Двалети с Картли пролегала от местности Цона недалеко от истока Квирилы, далее до северного отрога Ломийского хребта, оттуда – на юг, по Ломийскому хребту и по северной окраине Картлийской области Базалети до Сарматских ворот (Ворота Дарубал, Дурдзукские ворота) у слияния Арагви с Пшавской Арагви.

Территория *Гугарк (Гогарена)* простиралась от правобережья Чорохи на западе до местности Хунан у берегов Куры на востоке и состояла из девяти областей: Дзоропор, Цобопор, Колбопор, Ташир, Трелы, Кангары, Артаган, Джавах и Кларджк. Сегодня этой территории соответствуют области Лори и, частично, Тавуш в Армении, Нижняя Картли и восточная часть Самцхе-Джавахети (собственно Джавахети) в Грузии, а также Ардаан, Артанудж и Шавшет в Турции.

Второй параграф – *Общая этноязыковая ситуация на Южном Кавказе во II и первой половине I тыс. до н.э.* К настоящему времени накоплен достаточно большой объем материалов (археологических, топонимических, антропологических, лингвистических, письменных и др.), свидетельствующих

о том, что племена северокавказской (или *исконнокавказской)* языковой семьи в древности были расселены не только на Кавказе, но и на прилегающих к нему с юга обширных территориях. Помимо упомянутого этнического массива, в древности в Малой Азии были представлены также племена, являвшиеся носителями индоевропейских языков.

Места проживания на территории Кавказа и прилегающих к нему регионов во II – начале I тыс. до н. э. пракартвельских племен выявляются довольно сложно, и прежде всего из-за отсутствия достоверных свидетельств. Для доказательства присутствия картвельских племен на Южном Кавказе во II – начале I тыс. до н. э. в качестве основных научных аргументов приводятся некоторые этнонимы и топонимы, выявленные в хуррито-урартской и хаттской ономастике. К ним относятся упоминаемые в урартских и ассирийских надписях и известные в центральных районах Южного Кавказа названия *Цудала*, *Дидини*, *Иштикунив*, *Шешетина*, *Диаухи*, *Луша*, *Игани (Макалтуни*), мушки, мосхи//масахи. Однако детальный этнолингвистический анализ ставит под сомнение грузинский облик указанных этнотопонимов. Выявляется, что они имеют ярко выраженный хурритский, абхазский и нахско-дагестанский облик.

Сравнительный и комплексный анализ свидетельств первоисточников о малоазиатских мушков и кавказских мосхов (масахов) выявляет вероятную связь мушков-масахов с нахскими племенами. В этой связи в новом свете предстают давно отмеченные в научной литературе и причины происхождения тех поразительных мушкско-(фригийско)–нахских параллелей, которые изумляли многих исследователей. В период наивысшего могущества Мушского (Фригийского) царства, в VIII–VII в. до н. э., его владения достигали правобережья Евфрата, а также области Цова (Цоба), расположенной у слияния Арацани с Евфратом, и сопредельных местностей. Население этих областей, входивших в состав Мушского (Фригийского) царства, естественно, своим соседям должны были быть известны под названием *мушки* (*мосохи*), соответствующим названию царства.

По данным урартских и ассирийских источников, территории к северо-востоку, востоку и юго-востоку от Мушского царства заселяли племена и народности, которых можно идентифицировать с современными восточнокавказскими народами – андийцы, табасараны, утии, цудала, эры, тумме, дидои и др. Античным авторам и авторам периода раннего средневековья – армянским, арабским и грузинским – эти народы (мосхи, эры, анди, ути (этив), дидои, цудала, тумме, табасаран и др.) известны уже к северу от прежнего места проживания – на побережьях Куры и Алазани, в районах Центрального и Восточного Кавказа. Сведения письменных источников подтверждаются не только данными топонимики, но и также приведенными в диссертации археологическими материалами, свидетельствами языка, антропологии и фольклора. В настоящее время все эти родственные народы проживают на Кавказе и являются соседями. Они по сей день сохраняют те же этнические имена, которыми называли друг друга в древности, когда соседствовали на территории Восточной Анатолии, долинах Куры и Аракса. Отсюда становится понятным, почему дагестанцы-андийцы продолжают называть переселившиеся когда-то из восточных провинций Мушского царства на Кавказ цова-тушин, мосохами.

В третьем параграфе – *Хоны* **–** на основе сопоставительного анализа сведений первоисточников о хонах выявляется реальность их существования в центральных районах Кавказа, которых нельзя смешивать с тюркоязычными гуннами Прикаспия. Историчность кавказских хонов подтверждается и тем, что имя этого народа сохранилось до наших дней в современной нахской этнонимике, а также топонимах и гидронимах. Кавказских хонов древнегрузинских и древнеармянских источников, скорее всего, следует связывать с многочисленной нахской родоплеменной группой хоной (хон-ой), проживавшей еще до недавнего времени в верховьях реки Армхи, где и сохранился топоним Хоной.

Согласно древнеармянским источникам, в III-IV вв. н.э. хоны (по Агатангелосу – масаха-хоны) возглавляют политическое объединение,

охватывавшее территорию от верховьев Терека на Северном Кавказе до местности Жинвали (Цилканские ворота) и границ Албании на Южном Кавказе. В тот период под контролем хонов (масаха-хонов) находилось все Дарьяльское ущелье, в том числе и Аланские (Дарьяльские) ворота. В связи с этим в древнеармянских источниках Аланские (Дарьяльские) ворота часто называются также и Хонскими воротами. В армянских источниках *Хонскими воротами* (*пахак хонк*) называется также линия оборонительных сооружений, которая шла от Циканских (Цилканских) ворот, расположенных около Жинвали, на северной границе Картли, на юго-восток, вдоль северо-западной границы Албании. Эти ворота известны еще как *Врата кавкасианов* и *Дурдзукские ворота.* По линии этих ворот проходила южная граница хонского объединения, а потому проход Цор (Цур) на границе с Албанией назывался Хунсвери (*перевал хонов*). Хоны (масаха-хоны) играли значительную роль в политических событиях Южного Кавказа, по-видимому, к тому времени им удается распространить свое политическое влияние на население соседних областей, вследствие чего термин *хон,* помимо этнического значения, приобретает более широкое политическое.

Мнение о том, что информация о хонах могла проникнуть в армянские и грузинские источники в период существования в Западном Прикаспии Гуннского царства (V–VI вв. н. э.), не может быть принято и по той причине, что хоны были известны в северо-восточной части Малой Азии, между Каппадокией и Сперией за тысячу лет до появления на Кавказе тюркоязычных гуннов. Так, в одной из Персепольских надписей Ахеменидского царя Дария I в перечне народов, плативших дань Ахеменидской Персии, наряду с Арминой (Армения), Катпатукой (Каппадокия) и Спру (Сперия), называется Хуна. Подтверждением тому являются засвидетельствованные в древних письменных источниках и сохранившиеся в этих местах до настоящего времени топонимы.

Четвертый параграф – *Цанары* – содержит анализ сведений древних авторов о цанарах. Комплексный анализ всех имеющихся фактов показывает, что правомерным выглядит мнение о принадлежности цанар к нахскому

этническому миру, обоснованное еще В.Ф. Минорским и получившее подтверждение в работах А.П. Новосельцева, З.В. Анчабадзе, Г.Г. Мкртумяна и др. На связь цанар с нахским этническим миром указывают свидетельства не только письменных источников, но и приводимые в диссертации данные топонимики, языка и фольклора.

Корнем термина *цанар* является *ца* (*şa, цIиу*), в нахских языках означающее *огонь*, *очаг, дом*, а в древненахском пантеоне *Ца* (*ЦIа, ЦIу, ЦIув*) – божество огня. Слово *цанар* на нахских языках буквально означает (*прибывшие*) *из Цана*, где *Цан*, в свою очередь, является промежуточным пунктом по пути следования цанар из первоначального места проживания – *Ца* (*ЦIу//ЦIов*), т.е. в названии *Цанар* зашифрована информация о поэтапном продвижении племени цанар в районы Центрального Кавказа. Эта информация почти полностью совпадает со сведениями о цанарах, изложенными древнеармянским историком Варданом Аревелци, согласно которым люди, вышедшие из Халдии, некоторое время жили в Гардмане, а затем перешли к подножью Кавказских гор, назвав свою новую территорию Цанар (*из Цана*), т.к. она напомнила им прежнее место проживания.

Данные языка и свидетельства письменного источника согласуются с этногенетическими преданиями самих цанар, зафиксированными еще в IX в. арабским историком Масуди. Сказания же цанар сходны с этногенетическими преданиями современных нахских народов. Прародиной цанар и отправной точкой их путешествия является Ца//Циу//Цов, а согласно Вардану Аревелци, этим местом была Халдика. Вся эта информация приводит нас к области Цопа (Цупани, Цоба), описанной ассирийскими и урартскими источниками и размещающейся у слияния Арацани с Евфратом. Название этой области кавказоведы справедливо связывают с нахскими цова (цоба)-тушинами (бацбийцами). Если учесть, что страна Цопа (Цупани) в период падения Урартского царства оказалась в составе Вавилонского (Халдейского) царства, то становится понятным сообщение Вардана Аревелци о цанарах, как о людях, вышедших из страны Халдии.

Во всех географических пунктах, где, согласно Вардану Аревелци и этногенетическим преданиям, цанары останавливались на какое-то время по пути из Халдии (Цова) на Кавказ, выявляются древние названия, в том числе и с основой *ца//цу*, объясняемые только на нахских языках. Более того, выявляется весьма интересный факт. По сообщению «Мокцевай Картлисай», из Халдеи прибыли хоны, а Вардан Аревелци прибывший из Халдеи народ именует цанарами. Если нанести на карту территорию, на которой упоминаются цанары и хоны, обнаруживается удивительное совпадение: в тех местах, где находим топонимы *Цан, Цопа* (*Цова*), *Цанар*, неизменно присутствует также и название *Хон*. Представляется вполне вероятным, что *цанар* – это не название одного конкретного нахского племени, а общее, собирательное наименование нахских племен, произведенное от *цIа* (*цIова*) – *божество огня*.

Пятый параграф – *Бунтурки и турки древней Картли* – посвящен исследованию сведений древнегрузинских источников о древних насельников Картли бунтурков и турков, которые в глубокой древности переселились сюда с юга. В научной литературе высказаны мнения, что под названием *турки* у Мровели имеются в виду кочевые тюркские или иранские племена, которые осели в Картли. Однако при этом почему-то не учитываются такие характеристики, даваемые Мровели пришедшим *туркам*: турки переселяются со своими семьями, хозяйством, скарбом и т.д.; они оказываются прекрасными строителями, строят города и крепости; своим местожительством турки избирают местность, «глубоко высеченную в скале», которую они обустроили и «обвели мощной оградой», а впоследствии это место получает наименование *Саркине* («место железа»), т.е. они были еще и искусными металлургами. Все это, конечно же, совершенно не вяжется с кочевыми племенами.

Большинства ученых придерживаются мнения, что в слове *бунтурк* компонент *бун* является в картвельском языке заимствованным из персидского и означает *коренной*, отсюда бун-турки – «коренные турки». Компонент *турк* Н.Я. Марр и Д. Маркварт возводили к названию древнего кавказского племени

терг, обитавшего в Дарьяльском ущелье, название племени закрепилось в названии реки Терек (Терг) и ущелья Терг, а позднее, в книжной литературной традиции раннего средневековья, это имя стало восприниматься как *турки, тюрки*.

Представляется весьма интересным в этой связи, что на среднем Евфрате, среди хурритских городов-государств в ассиро-вавилонских надписях конца III – II тыс. до н.э. упоминается богатая страна Терк на перекрестке торговых путей. *Терк (Турк*) связан с хуррито-урартскими теонимами и восходит к урартскому богу Тура(ни), сыну хурритского бога грозы Тешшубы, который также выполнял функции бога плодородия. Область, где почитался культ Турк (Терг), являлась составной частью страны Цоба (Цопа) на левобережье Евфрата, которая является начальным местом исхода прибывших на Кавказ племен. Поэтому не исключено, что в сообщении Мровели о турках, поднявшихся в Картли с юга, речь идет как раз о той части населения Цова и других урартских областей бассейна озера Ван, поклонявшихся культу Турк (Терк), которые переселились на север к подножью Кавказских гор.

Глава II – *Миграционные процессы на Южном Кавказе на рубеже VII-VI вв. до н.э.* – состоит из 4 параграфов. **Первый параграф** – *Причины и пути миграции населения с юга на Кавказ на рубеже VII-VI вв. до н. э.* – посвящен установлению причин и маршрутов переселения племен из урартских областей на Кавказ на рубеже VII-VI вв. до н.э. Сохраненные в древнеармянских и древнегрузинских источниках сведения о переселении хонов и цанар из Халдии (Вавилонское царство) на Кавказ увязываются с подлинными историческими событиями, имевшими место в Передней Азии в конце VII – первой половине VI вв. до н.э. В этот период в западные области Урартского царства, расположенные в верхнем течении Тигра, в долине рек Евфрата и Арацани, в Тегарамму (*дом Торгома*), в страны Цоб (Цопк), Алзни, Бабхи и т.д. вторгается и ведет военные действия халдейская (вавилонская) армия, возглавляемая царем Набопаласаром и его сыном Навуходоносором, что вызвало передвижение населения этих областей на север, в центральные районы

Южного Кавказа. Как известно, вавилонский царь халдейской династии Навуходоносор II (604/5 – 561/2 гг. до н.э.) был столь выдающейся личностью, что его имя быстро обрастало легендами и последующие поколения зачастую связывали с ним многие более или менее значимые события древности. Именно поэтому и древнеармянская, и древнегрузинская историческая традиция переселение цанаров и хонов, как и прочие миграционные потоки в центральные области Кавказа, связывает именно с халдейцами (вавилонянами), и в особенности с царем Навуходоносором.

Данные письменных источников о миграции на рубеже VII–VI вв. до н.э. значительных масс населения из урартских земель в центральные области Кавказа согласуются с данными археологии и топонимики и фактически подтверждают их. Именно в обозначенный период на территории Картли и Кахетии (Цанарии) вместо бытовавшей здесь ранее черной и сероглиняной керамики появляется совершенно новая, красноглиняная, в которой, помимо отличий в технологии изготовления, выявляются и новые формы.

Во втором параграфе – *Цаны-макероны (махелоны)* – восстанавливается маршрут передвижения племен, известных как цаны (махелоны, макероны) в центральные районы Южного Кавказа. Устанавливаются два пути, по которым племена шли с юга в районы Центрального Закавказья: первый путь пролегал на север и северо-запад по нагорной плоскости Юго-Восточного Причерноморья, через западные предгорья Мосхийского и Лихского хребтов, вдоль реки Куры; второй путь шел на северо-восток в сторону областей Гугарк и Гардман, в междуречье Алазани и Иори и далее на север. Античные источники говорят об этнонимах *цаны* (*саны*) и *макероны* (*макроны*, *махароны*, *махелоны*), как о параллельных названиях одной и той же племенной группы.

Не может считаться убедительным высказанное в научной литературе предположение о тождестве цанов-саннов античных авторов с картвелоязычными чанами (лазами). Путаница между цанами и чанами, возникшая в античных источниках, обусловлена особенностями греческой фонетики. В греческом языке нет букв, при помощи которых можно бы было

передать звуки *цI* (*ṣ*) (*цIан*) и *чI* (*ṡ*) (*чIан*), поэтому обе фонемы – и *цI*, и *чI* – передаются посредством буквы *с* (*s*). В результате, два различных этнонима – *цан* и *чан* в греко-латинских источниках были переданы одним термином – *саны*, что, естественно, вводило читателей в заблуждение. В отличие от греко-латинских авторов, которые не могли правильно воспроизвести названия *цан* и *чан*, армянские авторы сумели передать природное звучание этих терминов: *цан* (*цIан*) – ծան, *чан* (*чIан*) – ճան, поэтому в армянских источниках при их использовании не наблюдается путаницы. Кроме того, чаны (саны) локализуются в приморской полосе между Трапезунтом и устьем реки Чорохи, а цаны(саны)-макероны – в верховьях реки Цанахи, занимая все нагорье Пархара, бассейна Чорохи и Гайль-Келкида.

Представляется вполне допустимым видеть в цанах-макеронах предгорий Понта продвигавшихся из юго-западных и центральных областей Урарту, в частности из Цова (Цоб) на север, часть переселенцев, о которых сообщают источники.. Учитывая множество других параллелей между этнотопонимикой бассейнов верхнего течения Чороха и Верхнего Евфрата и ближайших к ним областей с нахской этнотопонимикой, можно сделать предположение об этнической и языковой близости цанов-макеронов с нахскими племенами. На рубеже новой эры Плиний застает макеронов (цанов) уже в глубине Кавказского перешейка на территории от правобережья Чороха на западе до области Гардман на востоке – расположенной на правом берегу Куры. Позднее это подтверждается и другими авторами, в частности Прокопием Кесарийским и древнеармянскими авторами, а также топонимикой этих мест.

В третьем параграфе – *Гугарк и гугары* – рассматриваются проблемы этнокультурной истории и этнической принадлежности гугаров. Территория, на которой начиная с рубежа новой эры локализуются цаны-макероны, известна также под названием *Гугарк* (*Гогарена*). Страна Гугарк занимала обширную территорию от правобережья Чороха на западе до долины Куры на востоке и состояла из девяти областей: Дзоропор, Цобопор, Колбопор, Ташир, Трелы, Кангары, Артаган, Джавах и Кларджк. По свидетельству древних авторов в те

или иные исторические периоды Гугарк представляет собой независимую политическую единицу, не входившую ни в Армению и ни в Иберию (Картли) и, игравшую большую роль в исторических судьбах народов Южного Кавказа на протяжении многих столетий. Около 190 г. до н.э. Гогарена вошла в состав Армянского царства, в виде отдельного округа, именуемого в армянских источниках *бдешхство Гугарк*. Бдешхи Гугарка по сути были полновластными правителями, вице-королями (-царями) и по своим привилегиям лишь незначительно уступали царю Армении.

В научной литературе существует мнение о грузинской этнической принадлежности гугар. Оно основывается главным образом на сообщении Мовсеса Хоренаци о том, что «наместничество северного края, расположенного напротив горы Кавказа, он (армянский царь Валаршак II (186 – 198) – Г.Г.) поручает великому и могучему народу и присваивает его владыке титул бдеашха Гугаркского. Этот род происходит от Михрдата, нахарара Дареха; Александр, приведя его, назначил начальником над пленными иверийцами, переселенными Навуходоносором из западной окраиной земли Верия»[10]. Отсюда заключается, что если потомок правителя иверийцев является владыкой гугаров, то гугары армянских источников идентичны иверийцам (картвелам), а Гугарк – Иберии (Грузии)[11].

Однако эти выводы основаны на неверном понимании текста армянского историка. В процитированном отрывке Мовсеса Хоренаци объединены и в сжатом виде переданы события различных исторических эпох: первое – переселение вавилонским царем Навохудоносором ливийцев и иберов на восточный берег Понтийского моря (конец VII – начало VI вв. до н.э.); второе – назначение Александром Македонским Михрдата (Митридата), нахарара Дареха, начальником над пленными иверийцами (конец IV – начало III вв. до н.э.); третье – назначение армянским царем Валаршаком II одного из потомков

[10] Мовсес Хоренаци. II, 8.

[11] Мусхелишвили Д.Л. Из политических взаимоотношений средневековой Армении и Грузии // «Некоторые вопросы истории Грузии в армянской историографии». Тбилиси, 2009. С. 130-131.

Михрдата правителем (бдешхом) гугаров (II век н.э.). Таким образом, текст Мовсеса Хоренаци содержит описание совершенно разных событий, отделенных друг от друга многими веками.

Согласно античным представлениям, иберы (карлийцы) якобы были переселены на Кавказ из Испании, с Иберийского полуострова, а некоторые авторы, например, Мегасфен, Абиден и другие, следуя установившейся традиции связывать те или иные значимые события I тыс. до н.э. с вавилонским царем Навуходоносором II, переселение иберов приписывают также ему. Мовсес Хоренаци передает как раз ту версию, по которой Навуходоносор II якобы переселил иберов из Испании на Кавказ. Армянский историк не только не отождествляет гугаров и иверийцев (картлийцев), но и четко противопоставляет их: гугары – это коренные жители, потомки Шаро Хайкида, а иверийцы – это пришлые племена, переселенные Навуходоносором из «западной окраины земли» (Испании). Мовсес Хоренаци упоминает иверийцев в связи с Гугарком лишь потому, что наместником Гугарка с присуждением титула бдешха Гугаркского армянский царь Валаршак II назначил потомка рода Михрдата, которого в свое время Александр Македонский поставил начальником над иверийцами, взятыми в плен. Упомянутый Михрдат, нахарар Дареха, это действительно современник Александра Македонского, основатель Понтийского царства Митридат I Ктист (302 – 266) из рода наследственных нахараров (сатрапов) припонтийских земель последнего царя Персии из династии Ахеменидов Дария (Дареха) III Кодомана (336 – 331). Также хорошо известно, что картвельские (иверийские) племена горной части Юго-восточного Причерноморья входили в состав Понтийского царства и, естественно, подчинялись понтийским Митридатам, что послужило для античных авторов основанием для утверждения о якобы назначении Александром Македонским понтийского Митридата «правителем над пленными иверийцами». По античной традиции понтийские Митридаты происходят от царского рода Ахеменидов, и это подтверждают современные исследования. И именно

потомка понтийских Митридатов царь Армении Валаршак II назначает бдешхом Гугарка. Разумеется, данное обстоятельство никоим образом, даже косвенно, не может указывать на какое-либо этническое родство между иберами (картвелами) и гугарами.

Анализ сведений древнеармянских историков показывает, что они не различают гугаров и цанаров, т.е. для них это один и тот же народ и *страна гугаров* (Гугарк) есть *страна цанаров* (Цанария). Выявляется, что территория расселения цанаров является та же самая страна, которая была известна источникам как место проживания масахов и хонов, или масаха-хонов. Таким образом, обширную часть территории Южного Кавказа – Гугарк, простиравшуюся от долины Чороха на западе до междуречья Алазани и Иори на востоке, Цанарию, распростиравшуюся от устья Алазани на юге до «кавказских долин вблизи Аланских ворот» на севере, античные и раннесредневековые авторы отделяют как от Армении, так и от Картли (Грузии), а ее население рассматривают как самостоятельную этническую группу, отличную от армянской и грузинской этнических групп. В источниках население обозначенной территории называется разными именами – *гугары, цаны, макроны (махелоны), масахи, хоны, масаха-хоны, цанары*. Все это наводит на мысль, что понятие *гугар* являлось синонимом этнонимам *цанар*, *махелон* (*макерон*), *масаха*, *хон*, *масаха-хон* и что все они являются либо различными наименованиями одной и той же этнической группы, либо названиями разных ветвей группы близкородственных нахских племен.

Сказанное подтверждается также и тем, что армянская историческая традиция относит гугаров к древнейшему населению Гугарка. Само название *Гугар* возводится к эпониму *Гушар*, имени легендарного потомка Шара. Последнее, в свою очередь, восходит к имени хурритского божества Шаро, широко распространенному в топонимике обширной территории от Гугарка до центральных областей Кавказа и сохранившемуся в современной нахской этнонимике и топонимике. При анализе древнего ономастического материала на территории Гугарка (Гогарены) и близлежащих областей выявляются не

просто отдельные, единичные этнонимы и топонимы, которые с определенной долей вероятности можно бы было отнести к нахским, а достаточно высокая концентрация древней этногеографической номенклатуры, принадлежность которой к нахскому этносу представляется достаточно очевидной. Уверенность в этом основана не только на данных письменных источников и этнотопонимики, но и на приводимых в работе свидетельствах археологии и языка.

В четвертом параграфе – *Нашествие скифов* – исследуются миграционные и этнокультурные процессы, вызванные вторжением скифов на Кавказ и Переднюю Азию в 70-е годы VII в. до н.э. Вторжение кочевых племен скифов на Кавказ и в Переднюю Азию задокументировано разнообразными источниками. Сведения об этих событиях отражены и в летописи Мровели в разделе «О нашествии хазар», в котором сообщается о двух крупных нашествиях на Кавказ и Переднюю Азию кочевников (хазар), первый из которых был успешно отражен совместными силами таргамосиан (кавказских народов), а при втором таргамосианы не смогли дать *хазарам* отпор, и те захватили их страну. Сопоставительный анализ сведений Мровели с теми данными, которыми располагает сегодня наука о вторжении кочевников на Южный Кавказ показывает, что рассказ о *хазарах* охватывает тысячелетний период – с VII в. до н.э. по VII–VIII вв. н.э., и термин *хазары* употребляется в нем для обозначения обобщенного образа кочевников – разноэтничных племен, населявших обширные степные просторы Евразии в период I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.

В сообщении Мровели о первом вторжении хазар предельно сжато передана информация о событиях, имевших место в VII – начале VI вв. до н.э.: нашествие скифов на Кавказ и Переднюю Азию и борьба против них народов, населявших территорию от Месопотамии до Северного Кавказа, т.е. страны Таргамосидов. Второе нашествие *хазар* будет более правильным связать с набегами алан на страны Южного Кавказа в I–II вв. н.э., а оседание *сына* и *племянника хазарского* царя на землях кавкасианов и леканов отнести к концу

IV–V вв. н.э., когда ираноязычные племена, гонимые из степей гуннскими ордами, были прижаты к Кавказским предгорьям.

Глава III – *Падение Ахеменидской империи и новая волна миграции племен в центральные районы Южного Кавказа на рубеже IV–III вв. до н.э.* – состоит из 4 параграфов. **Первый параграф –** *Письменные и археологические источники о переселении картвелов в Картли.* Согласно древнегрузинской исторической традиции, первое появление в Картли картвельских племен связывается именно с Александром Македонским, который якобы после длительной и изнурительной войны с хонами завоевал эту страну. Александр назначил в Картли своим наместником Азона, который и переселил сюда своих соплеменников картлийцев.

Рассказы о приходе в Картли Александра Македонского носят мифический характер, поскольку достоверно известно, что Александр никогда не был на Южном Кавказе. Однако сведения письменных источников о притоке нового населения в Картли и имевших место здесь ожесточенных битвах находят прямое подтверждение в материалах археологических раскопок, которые отчетливо свидетельствуют о том, что крепости, упомянутые в древнегрузинских источниках, реально существовали и действительно подверглись разорительным нападениям в конце IV – начале III вв. до н.э. Задокументированным археологическим материалом, является также то, что именно с рубежа IV–III вв. до н.э. в культуре Картли происходит резкий перелом, ознаменовавшийся появлением в структуре материальной и духовной культуры целого ряда совершенно новых составляющих, свидетельствующих о притоке нового этнического элемента.

Правдивость сведений о переселении картвелов на Кавказ, причем насильственном (в одних источниках Навуходоносором, в других – Александром Македонским или Спандиатом), подтверждается и существованием еще с античных времен связанной с этим устойчивой письменной традиции. О переселении картвельских племен на Кавказ помимо древнегрузинских, сообщают также греко-латинские, персидские, арабские,

армянские и др. письменные источники. Эти сведения давно уже вошли в научный оборот и хорошо известны. Однако из античных авторов привлекает внимание Дионисий Периегет, который передает сюжет, почти сходный с сообщениями древнегрузинских источников. Разница заключается лишь в том, что, по древнегрузинским источникам, коренными жителями Картли, которые встретили пришедшие сюда картвельские племена, были хоны и бунтурки, а по Дионисию – гирканы: «восточный народ иберы, которые некогда пришли с Пиренеев на восток и вступили в ожесточенную войну с гирканами»[12].

Этимология названия *Гиркан* восходит к древнеперсидскому **vrkana* (*горг – волк*). Исследователями (Ю.И. Абуладзе, Г.В. Церетели) было высказано предположение, что древние персы называли Иберию-Грузию *Гурканией* (*страной волков*), а иберов-картвелов *гирканами – волками* (*горг*), и именно отсюда происходит древнегреческое *Гиркания//Гуркания.* Однако для обоснования своей гипотезы ее авторы, к сожалению, не приводят ни одного существенного аргумента. Нет никаких данных, которые достоверно свидетельствовали бы о том, что волк являлся тотемом древнегрузинских племен, и могли бы послужить основанием для того, чтобы называть картвелов *волками*, а их страну *страной волков.* Кроме того, сами древние писатели не дают нам никаких оснований для отождествления гирканов с картвелами (иберами). Напротив, античные авторы отчетливо различают гирканов и иберов-картвелов, а по Дионисию гирканы являлись автохтонным населением центральных районов Южного Кавказа до прихода в эти места иберов, с которыми они вступили в войну.

Проведенный анализ сведений античных источников о Гиркании и гирканах Кавказа с привлечением археологических, этнографических, лингвистических и других данных приводит нас к выводу, что гирканами древние авторы, вероятнее всего, называли нахские племена, известные в древнегрузинских источниках как хоны, бунтурки.

[12] Дионисий: 652-710.

Во всех сообщениях разноязычных письменных источников переселение картвелов (иберов) представлено как вынужденное: картвелы были переселены насильственно Навуходоносором или Александром Македонским. Несовпадения сведений источников относительно времени переселения картвелов на Кавказ объясняется тем, что в I тыс. до н.э. совершились две волны крупного переселения племен с юга на Кавказ: первое – передвижение на север хуррито-урартских, южнонахских и албано-дагестанских племен после падения Урартской державы на рубеже VII–VI вв. до н.э. Этот период совпадает с правлением вавилонского царя Навуходоносора II (604/5 – 561/2 гг. до н.э.), которому позднее стали приписываться те или иные значимые исторические события I тыс. до н.э. Второе массовое перемещение населения, в том числе и древнегрузинского племени картвел, с юга на Кавказ, имело место на рубеже IV–III вв. до н.э., после похода Александра Македонского и гибели Ахеменидской Персии, в связи с чем эти события и связываются с именем великого полководца. Видимо, элементы этих двух различных крупномасштабных событий I тыс. до н.э. – перемещения хуррито-урартских и южнонахских племен в центральные области Кавказа на рубеже VII–VI вв. до н.э. и древнегрузинских племен картвел в конце IV – начале III вв. до н.э. – позднее в письменных источниках были объединены по законам литературного произведения в одно целое, и вокруг великих личностей (Навуходоносор, Александр Македонский) слились воедино события, произошедшие в совершенно разные времена.

Таким образом, в сказаниях о переселении картелов на Кавказ, сохранившихся в древних письменных источниках, мы имеем дело с реальными историческими событиями. Весь имеющийся материал свидетельствует об очередном крупном передвижении населения на рубеже IV–III вв. до н.э. с юга в центральные области Южного Кавказа и, судя по всему, основную массу этих переселенцев составляли картвельские племена.

Второй параграф – *Основа исторической концепции и генеалогической таблицы народов Кавказа Леонти Мровели.* В ряду представителей древней

письменной исторической традиции, считавшей картвелов пришлыми на Кавказ, особняком стоит Мровели. Труд Мровели «Жизнь картлийских царей» занимает особое место среди других произведений древних авторов тем, что в нем впервые выдвинута концепция об автохтонном происхождении картвелов и мегрелов и уникальная идея о едином происхождении народов Кавказа. Согласно Мровели, после Вавилонского столпотворения и расселения племен первоначальным местом проживания, прародиной перечисляемых им кавказских народов (армян, картлийцев, ранов, моваканов, эров, леков, мегрелов и кавкасианов), является Араратская долина, откуда эти народы затем расселились, получив наделы земли от своего мифического предка Таргамоса.

Сообщение Мровели совпадает с аналогичным сообщением армянского историка V века Мовсеса Хоренаци о происхождении и начальном этапе истории армян. Но все же, при несомненной схожести сообщении обоих историков, в них выявляются и различия, ставящие под сомнение факт заимствования. Вместе с тем, наши разыскания выявляют, что в обоих случаях речь идет, с незначительными различиями, об одних и тех же событиях и об одном и том же историческом периоде – периоде Урартского царства.

Таким образом, начальный этап истории упоминаемых Мровели кавказских народов восходит к Урартскому царству. Как известно, с V в. до н.э. имя *Урарту* навсегда исчезает из исторического обихода, и на смену ему приходит и прочно устанавливается название *Армения*, охватывающая бывшую территорию Урарту. В связи с этим античные авторы трактовали историю Армении как продолжение истории Урарту, называя последнюю Арменией, не говоря уже о раннесредневековых армянских и грузинских историках, которым не известно название Урарту и которые рассматривают урартский период как древний, начальный этап истории Армении. Не является исключением и Мровели, который, следуя раннесредневековой традиции, отождествляющей Урарту (Арарат) с Арменией, рассматривает историю Урарту и Армении как единое целое – как историю собственно Армении и армянского народа. В таком случае, казавшиеся необъяснимыми сообщения древнегрузинского автора о

начальном этапе истории кавказских народов (таргамосиан), проходившем под эгидой армянского этнарха Гаоса (hAoca), становятся ясными и логичными, ибо речь в них идет не об Армении и армянах, а об Урарту и урартах.

Истоки общности происхождения перечисляемых народов (армян, картлийцев, мегрелов, ранов, моваканов, эров, леков и кавкасиан) Мровели возводит именно к Урарту, называя эту страну Арменией, которая, по его мнению (вернее, по его источникам), являлась первоначальным местом проживания всех этих народов, откуда они затем расселились по регионам Кавказа. Территория расселения народов, объединённых общностью происхождения в начальный период их истории, охватывает Армению, Центральное Закавказье, Центральный и Восточный Кавказ. Указанная территория при нанесении на карту почти полностью совпадает с предполагаемым ареалом расселения в древности (III–II тыс. до н.э.) родственных хуррито-урартских и нахско-дагестанских племен.

Столь поразительное совпадение наталкивает на мысль о том, что, историческая концепция Мровели восходит именно к этой, реально существовавшей восточно-кавказской (нахско-дагестанской и хуррито-урартской) общности, которая, по своему происхождению, языковой принадлежности и общности истории, на ранних этапах действительно представляла единую историко-культурную общность, на базе которой впоследствии и сформировались народы Восточного Кавказа и Армении.

Представляется вполне вероятным, что в основе концепции Мровели об общем происхождении перечисленных им народов – армян, картвелов, мегрелов, нахов и албано-дагестанцев – лежат устные или письменные предания древнейшего населения (хуррито-урартского и нахско-дагестанского) данной территории, в которых и были отражены единство происхождения, территории и исторических судеб этих народов. Этим и объясняется отсутствие в генеалогической таблице Леонти Мровели народов абхазо-адыгской группы исконнокавказской языковой семьи.

Очерчиваемые первоначальные рубежи земли Таргамоса в основном совпадают с границами Урартской державы периода его могущества, т.е. начальный этап истории и истоки общности перечисленных в генеалогической таблице народов, Мровели возводит к Урарту – общей прародине таргамосиан. Имя Таргамоса – общего родоначальника кавказских народов (в «Таблице народов» Библии Тогарма является Ноевым отпрыском, сыном Гомера, сына Яфета) восходит к названию области Тогарма, которая лежала между Цопеной (Цопк), Табалом и Малатьей (Мелида), в долине реки Тохма-Су.

После падения Урарту царство Тогарма («Дом Торгома») существовало еще некоторое время, расширившись на восток и включив в себя урартские области. В связи с этим, название *Торгом (Тогарма)* стало применяться в обозначении территории Урарту, а позднее и Армении. Библейская же «Таблица народов» была написана после падения Урартского царства, в период возвышения Тогармы (Торгома), которая охватывала большую часть страны Урарту, поэтому вместо названия *Урарту* (*Арарат*) в «Таблицу» вошло *Тогарма*. Именно этим и объясняется использование Мровели термина *Таргам* (*Тогарма*) для обозначения территории Урарту и возведение им эпонима *Таргамос* (читай *Урарту*) в ранг «отца» перечисляемых народов. То есть, общим предком народов генеалогической таблицы Мровели является *Урарту*, которого он называет *Таргамосом*, а его удел соответствует территории Урартского царства.

Все это дает основания полагать, что Мровели при конструировании своей исторической концепции, помимо письменных источников, широко пользовался и устными преданиями, бытовавшими в среде родственных урартам нахских и дагестанских племен. Кроме того, определенная часть южнонахских племен была ассимилирована картвелами. И вполне вероятно, что древние предания об урартской эпохе были унаследованы картвелами от слившихся с ними нахских племен, что и легло позднее в основу исторической концепции Мровели.

Таким образом, Мровели предпринимает попытку коренного пересмотра господствовавшей в раннем средневековье версии о происхождении картвелов, согласно которой они считались не аборигенами Кавказа, а пришлым, причем насильственно переселенным на Кавказ народом, и стремится показать, что они издревле жили на Кавказе и входят в круг коренных кавказских народов. В связи с этим он ставит задачу выяснить вопросы происхождения не только картвельского, но и других народов Кавказа и таким образом показать общность их происхождения, а в итоге не просто доказать автохтонность и этническое родство картвелов с коренными кавказскими народами, но как бы раскрыть историческую обусловленность роли и значения их в судьбе кавказских народов. Естественно, для достижения поставленной цели Мровели абсолютно не подходили существовавшие в его время версии о переселении картвелов на Кавказ в античной, арабской, армянской и самой грузинской исторической традиции. Разумеется, не устраивали его также и сведения источников о проживании в Картли до прихода картвелов других племен – хонов, бунтурков, гирканов.

Вместе с тем, новая концепция, безусловно, не могла быть плодом выдумки автора. Для того чтобы новую версию могли воспринять современники, ее надо было серьезно обосновать, опираясь на местную историческую память и существовавшие в то время предания, используя их в качестве опоры для создаваемого мифа. В то же время Мровели должен был использовать именно те предания, которые более всего соответствовали бы поставленной цели и послужили прочной опорой для создаваемого мифа. Таковыми, судя по списку народов, которые Мровели объединяет общностью происхождения и территории расселения, были, скорее всего, устные и письменные сказания древнейшего населения восточной части Южного Кавказа, то есть хуррито-урартских и родственных им нахско-дагестанских племен. По сути, Мровели впервые в историографии формулирует тщательно разработанную концепцию автохтонности картвелов, основанную на общности происхождения и родства с кавказскими народами, тем самым пытаясь

противопоставить ее господствовавшей в то время традиции, отрицавшей местное происхождение картвелов.

Глава IV – *Этнополитические образования Центрального Закавказья во второй половине I тыс. до н.э.* **–** состоит из 4 параграфов**. В первом параграфе** – *Саспиры (Касперы) Геродота* – рассматриваются сведения Геродота об объединении саспиров на Южном Кавказе. На основании данных Геродота о локализации саспиров между Колхидой и Мидией в грузинской историографии установилось суждение, что после падения Урартской державы на рубеже VII – VI вв. образовалось крупное государственное объединение древнегрузинских племен под названием *Саспирия*, занимавшее значительную часть территории бывшего Урартского царства между Колхидой и Мидией (современный Северный Иран), в том числе и земли вокруг озера Ван.

Однако исследователи, делая свои выводы, опираясь именно на политический характер сообщения Геродота, почему-то игнорируют саму политическую ситуацию региона, которая изображена у Геродота. В сообщениях Геродота действительно отображается политическая карта региона, и термин *Саспирия* употребляется в политическом значении. Но также очевидно и то, что в данном контексте в политическом значении Геродот употребляет и остальные термины, в том числе *Мидия,* обозначая им Мидийское царство, а не территорию собственно Мидии в ее узком значении. Для этого достаточно взглянуть на политическую карту региона и границы Мидийского царства.

Около 590 году до н.э., окончательно разгромив Урартскую державу, мидийцы развернули борьбу с сильным государством Лидией за овладение Малой Азией. Согласно договору между Лидией и Мидией от 28 мая 585 года до н.э., границей двух государств стала река Галис (современный Кызыл-Ирмак в Турции); земли к востоку от р. Галиса, т.е. вся северо-восточная часть Малой Азии, оказались во владении Мидии. За пределами Мидии оказалась территория к западу от Понтийского хребта – Восточное Причерноморье, которая составляла часть Колхиды. От Понтийского хребта граница Мидии шла

на северо-восток по водораздельному хребту Арсиан (между истоками Чорохи и Евфрата), по Мосхийскому и Триалетскому хребтам, далее по реке Храми до ее впадения в реку Куру.

В сообщениях Геродота о Мидии, несомненно, речь идет о Мидийском царстве первой половины VI в. до н.э., граница которого на северо-западе проходила по отмеченной линии. Упоминание Сасперии между Колхидой и Мидией, конечно, свидетельствует о том, что она не входила в состав ни Мидии, ни Колхиды и являлась политически независимой. При этом, однако, занимала, видимо, сравнительно небольшую территорию в долине Чороха с центром Спер, гранича с Колхидой по Понтийскому хребту и с Мидией – по Арсианскому хребту.

Второй параграф – *Культ Армази и проблема образования Картлийского царства.* Древнегрузинская историческая традиция сохранила две противостоящие друг другу версии о возникновении Картлийского царства, отразившиеся в «Картлис цховреба» и в «Мокцевай Картлисай». Сложная и противоречивая картина становления Картлийского (Иберийского) царства, изображенная в древнегрузинских источниках, имеет зеркальное отражение и в современной исторической литературе. Вплоть до 60-х годов XX века в грузинской историографии господствовало мнение о том, что после разгрома Урартской державы государственные центры переместились к северу и, таким образом, в VI вв. до н.э. возникло Картлийское (Иберийское) царство. К настоящему времени в историографии прочно установилось мнение, что Картлийское царство возникло лишь в начале III века до н.э., и связывается это с племенами, которые в конце IV в. до н.э. переселились в Картли из южных областей.

Однако утверждение о том, что государство в Картли было образовано лишь в III в. до н.э. вступает в явное противоречие с документальными свидетельствами – археологическими материалами, которые указывают на то, что уже с VI в. до н.э. в центральных районах Южного Кавказа был довольно высок уровень производительных сил, наблюдается сложившаяся социальная

дифференциация и концентрация богатств в руках аристократических слоев общества, а возникновение в VI–V вв. до н.э. городов и функционирование уже в V–IV вв. до н.э. сложных оросительных систем, для строительства которых необходимы были и длительное время, и сильная власть и т.п., явно свидетельствуют о существовании государственной системы управления.

В качестве основного аргумента в пользу того, что Картлийское царство было образовано в III в. до н.э., приводится тот факт, что официальным государственным культом этого царства стал культ малоазийского (лувийского) божества луны *Арма* (*Армаз*), привнесенный в Картли, как считается, древнегрузинскими племенами мушками//мосхами. Однако в такой концепции становления Картлийского царства заложен ряд серьезных внутренних противоречий, не позволяющих ее принять. Дело в том, что если даже и допустить гипотетическую связь мушков//мосхов с древнегрузинскими племенами, то нет абсолютно никаких данных, которые свидетельствовали бы о почитании когда бы то ни было мушками//мосхами лувийского божества луны Армас. Напротив, хорошо известно, что верховным богом мосхов (мушков) являлось солнце. Остается необъяснимым, почему, установив свое господство в Картли, мушки//мосхи оставили собственного верховного бога солнца и стали поклоняться лувийскому божеству луны (Арма). Тем более, что высшим культом населения Картли, как и всего Центрального Закавказья в I тыс. до н.э., был культ бога солнца.

Бог луны выступал в качестве верховного бога у древнегрузинских племен и носил имя *Мориге.* Остается открытым ряд вопросов. Во-первых, неясно, почему древнегрузинские племена картвелы, придя в Картли имя своего божества луны – Мориге сменили на лувийское Арма. Во-вторых, введение культа Армаза как официального следовало ожидать именно от Азона, который, согласно «Мокцевай Картлисай», возглавлял пришедшие в Картли картвельские племена и являлся первым царем Картлийского царства. Напротив – переселившимся в Картли древнегрузинским племенам картвелам было неизвестно божество Армаз – они пришли сюда вместе со своими

божествами Мориге, Гаци и Га (Гаим). Бог Армаз отсутствует в древнегрузинском языческом пантеоне, а имя Армаз вообще неизвестно в народной традиции и чуждо картвелам и мегрелам. Более того, Азон предстает как ярый враг и разрушитель существовавшего здесь до его прихода почитания верховного бога по имени *Армаз*.

Защитником и покровителем божества Армаз выступает Парнаваз. Именно после победы над Азоном и изгнания последнего из Картли Парнаваз утвердил культ Армаз в качестве единого государственного культа Картли. Но и здесь возникает вопрос: как могло случиться, что Парнаваз, освободив страну от возглавляемых Азоном иноземных войск, в качестве основного государственного культа учредил культ лувийского божества луны Арма (Армаз), который, как предполагают исследователи, принесли с собой пришлые захватчики и который олицетворял их власть.

Как известно, в древности в процессе становления государства значительную роль играла религия, выступавшая в качестве господствующей идеологии. Победители в борьбе между этническими, племенными группами навязывали свое верховное божество населению в качестве официального бога, и его должны были принять все в знак признания новой власти и подчинения ей. Смена верховного божества, как правило, означала и смену власти. Поэтому ясно, что перед нами не совсем верная трактовка событий, имевших место в Картли в описываемый период.

Действительно, анализ первоисточников показывает, что Парнаваз не утверждает заново, а восстанавливает культ Армаз в качестве официального государственного культа, каким он и был ранее, до его свержения Азоном. Однако факт существования божества луны Армаза в качестве верховного бога древнего населения Картли вступает в явное противоречие с убедительными свидетельствами повсеместного распространения здесь культа солнца, а не луны как главного. И здесь мы сталкиваемся с парадоксальной ситуацией. Суждения о культе Армаза как о культе божества луны основываются лишь на гипотетических умозаключениях современных исследователей, которые

исходят из того, что если культ Армази являлся официальным государственным культом древней Картли, о чем античная и древнегрузинская литературная традиция сохранила неопровержимые свидетельства, а верховным богом древнегрузинских племен был бог луны, то отсюда, как полагают исследователи, Армазом должен был именоваться именно бог луны.

На самом деле весь имеющийся материал указывает на солнечный характер божества Армаз, культ которого существовал в Картли с глубокой древности, на что, кстати, указывали многие исследователи. В этой связи выглядит весьма примечательно, что в научной литературе уже давно было обращено внимание на то, что имя *Армаз* является производным от слов *ал* и *маз* (*Алмаз > Армаз*), где *ал* переводится как *пламя* (*чистое пламя огня*), а *маз//мзе – солнце*, т.е. получаем *пламя солнца* или *солнечное пламя.* Хотя, наверное, более правомерно было бы соотнести компонент *ал* с хурритo-урартско-нахским *ал* (урартское *alau,* хурритско*е allai*, нахское *ala*), означающим *бог, повелитель, владыка,* т.е. *Алмаз//Армаз – Бог солнца*.

Отсюда появляется основание рассматривать имя *Армаз//Алмаз* как вариант имени *Малх* (*Бог солнца*) – имени официального Верховного бога нахского раннегосударственного объединения Центрального Кавказа. Такое видение не противоречит, а, напротив, подтверждает весь имеющийся материал. Выявляемое материальное и духовное родство археологических памятников Центрального Кавказа и Картли эпохи поздней бронзы и раннего железа дает достаточно оснований для утверждения о том, что в эту эпоху на территории Центрального Кавказа и Картли проживало если и не однородное, то этнически близкородственное население, по всей вероятности, относившееся к нахской этнической группе (хоны, бунтурки, масахи, гугары, цанары).

Здесь следует вспомнить и то, что в древнегрузинских источниках при описании событий второй половины I тыс. до н.э. доминируют нахи (кавкасиани-дурдзуки), и этот факт расценивается исследователями как свидетельство того, что нахи играли в древней истории Кавказа значительную роль, а в становлении Картлийского царства в III в. до н.э. – едва ли не

решающую роль. Однако до сих пор не только не дано объяснений тому, какова была эта роль, но и не найден ответ на вопрос о том, почему и каким образом нахи должны были создавать картвельскую государственность – Картлийское царство, или способствовать его становлению, не имея при этом, согласно существующей в современной историографии точек зрения, собственной государственности.

Однако, если же рассмотреть сложившуюся ситуацию в контексте всего региона, то многие вопросы этнополитической истории Картли середины и второй половины I тыс. до н.э., считавшиеся до сих пор неразрешимыми, похоже, могут получить разрешение. Так, проделанный анализ общей политической ситуации в Центральном Закавказье и в близлежащих регионах показал, что в период с VI по IV вв. до н.э. Картли являлась частью нахского раннегосударственного объединения Центрального Кавказа. После вторжения войск Понтийского царя, на рубеже IV–III вв. до н.э., территория по среднему течению Куры на протяжении примерно, 30–40 лет оказалась под властью Понтийского царства. В качестве наместника над вновь завоеванной территорией понтийским царем был поставлен некий Азон, в период господства которого существовавший здесь официальный культ древнейшего нахского населения – культ божества солнца Армаз//Алмаз – был заменен на культ новых божеств, олицетворявших уже новую власть, а идолы Армаза, как и все, что было с ним связано, были уничтожены. Позднее, после освобождения Картли от иноземных захватчиков и восстановления прежней власти, был восстановлен и олицетворявший эту власть официальный культ Армаза (*Алмаз//Армаз – Бог солнца*).

Третий параграф – *Происхождение царского рода Парнавазианов.* В сообщениях древнеармянских историков Мовсеса Хоренаци и Себеоса Парнавазиан упоминается в перечне царской династии Армении эпохи патриархов – hAайказуни (Гайказуни), т.е. среди потомков родоначальника армян hAайка (Гайка) в начальный период истории Армении. В древнеармянских источниках в эпониме *hАйк* (*Гайк, Хайк*) объединены урарты

и армяне, и древнейший, начальный период истории Армении есть история Урарту и урартов (хуррито-урартов), и, соответственно, урартские цари представлены как армянские. Следовательно, можно предположить, что царь Армении Парнаваз, упоминаемый как потомок Гайка в эпоху патриархов, т.е. в начальный период истории таргамосиан («Дома Торгома»), был царем в период существования Урарту.

Действительно, согласно Мовсесу Хоренаци и Себеосу, царь Армении Парнаваз был современником вавилонского царя Навуходоносора II (605 – 562) и был покорен последним[13]. Речь идет о событиях конца VII – начала VI в. до н.э., когда войска вавилонского царя Навуходоносора II вторглись в западную область Урарту – Цопа//Цова, царем которой в то время являлись Парнавазианы. Именно в этот период происходило перемещение населения страны Цопа и окружавших ее западных областей Урарту (цова (цан), хон, терк-турк и др.) на север, в центральные районы Кавказа. Однако не все жители этих областей переселились на север и покинули свои земли. Остался в Цупани (Цопа) и один из потомков Парнаваза – Багарат со своей семьей. Они унаследовали земли Ангех-туна и прославились в истории как одни из самых влиятельных и могущественных нахарарских (княжеских) родов Армении – Багратуни; они были венцевозлагателями армянских царей и носили титул *Аспет* (военачальник), а в раннем средневековье стали основателями армянской и картвельской царских династий.

В научной литературе Багратидам часто приписывается иудейское происхождение, однако эта версия давно изжила себя и существует лишь по инерции. В действительности же ассирийские источники еще в VIII в. до н.э. упоминают род Багратуни на юго-востоке Урарту – в Мусре (Мусасир) и Ману. Эпоним фамилии Багратуни возводится ко второму имени главной богини Урарту *Арубани* – супруги верховного бога Урарту Халди, что заложена и в самом имени Багбарту. Багбарту – это иранское название урартской богини

[13] Мовсес Хоренаци. I. 22; История Себеоса. С. 19.

Арубани и имеется несколько вариантов перевода: «жена бога», или «удел (доля) посвящающая», или «божество плодородия», или «богом данное». Таким образом, члены рода Багбарту (Багратуни) были служителями главного храма Урарту и принадлежали к касте жрецов, т.е. к высшей духовной знати урартского царства. Анализ сведений Мовсеса Хоренаци и Себеоса показывает, что Парнавазианы и Багратуни представляют собой две ветви одного и того же знатного урартского рода, который после падения Урартской державы, наряду с другими урартскими нахарарскими родами (Рштуни, Хорхоруни, Арцруни и т.д.) составил ядро нахарарской (княжеской) знати Армении, а со временем стал основателем царских династий.

Сохранились источники, позволяющие довольно точно определить время перемещения населения из юго-восточных областей Урарту – Мусасира (Мусры) на запад, в Цопк, Ангех и т.д. В 714 г. до н.э. ассирийский царь Саргон II захватил религиозный центр Урарту Муср (Мусасир). Население Мусасира в количестве 6170 человек царь переселяет на запад, в долину Евфрата, т.е. в Цопа, Тогарма, Каркемиш. В конце VII в. до н.э. в Цопе, Таргоме, Каркемише проходили решающие битвы между армией Навуходоносора II и войсками Урарту. После этих событий часть населения данного региона перемещается на север, в сторону Кавказа. Вполне допустимо, что среди тех, кто в конце VII – начале VI вв. до н.э. переселился из Цопа, Турк-Ангеха и других областей Урарту в центральные районы Кавказа, были и представители знатного рода Парнавазианов.

Таким образом, если в первой половине I тыс. до н.э. Багратуни-Парнавазианы вместе с терками («турками»), цопа (цова), хонами проживают в урартских областях Муср (Мусасир), Цоп (Ангех-тун) и др., то позднее, во второй половине I тыс. до н.э., они вместе с теми же терками («турками»), хонами и цовами (цанами) являются уже обитателями Кавказа. Парнавазианы и на новом месте продолжали, надо полагать, выполнять свои прежние функции. В связи с этим весьма примечательно, что художественная техника, в которой

выполнена статуя бога Армаза, близка к традициям урартской скульптуры и в то же время соответствует описанию статуи нахского божества Магал (Мохде).

Четвертый параграф – *Этнополитическая ситуация в Центральном Закавказье в III – II вв. до н.э.* Согласно Мровели, Понтийскому царству удалось не только установить свое господство в Картли, но и занять часть Колхиды между нижним течением Чороха (Эгрис-цкали) и Пасис (Риони), населенная древнеабхазскими племенами. Об этом свидетельствует тот факт, что после изгнания понтийских войск с Южного Кавказа данная территория была освобождена и возвращена Куджи. Согласно Мровели, понтийский царь распространил свою власть и на леков. В данном случае имеется в виду, вероятно, население Эрети. В этих условиях было вполне естественно, что народы Кавказа объединились в союз и направили свои военные силы против Понтийского царства с целью освобождения своих земель. Инициировали и возглавили этот союз, скорее всего, Парнаваз и Куджи. Парнаваз заручается также поддержкой селевкидского царя, с которым устанавливает союзнические отношения. Война завершается победой объединенных сил народов Кавказа и изгнанием понтийских войск с большей части территории Южного Кавказа.

Однако за более чем тридцатилетний период господства Понтийского царства в Картли произошли изменения в этническом составе населения. В результате перемещения древнегрузинских племен в Картли их удельный вес населения заметно увеличился. Не случайно, что в древнегрузинской исторической традиции противопоставляются периоды истории Картли до и после завоевания ее Александром Македонским. Эпоха Александра Македонского – это тот рубеж, с которого фактически начинается история собственно картвелов на Кавказе. По всей видимости, начиная с рубежа IV – III вв. до н.э. древнегрузинские племена составляют уже значительную часть населения Картли. Это подтверждается и тем, что верховные божества картвелов Гаци и Гаим получили официальный статус и были включены в иерархию божеств Картли, заняв соответственно второе и третье места после

Армази. По-видимому, три бога – Армази, Гаци и Гаим отражают три культурно-этнических элемента религии Картли.

Появление в центральной части Южного Кавказа нового этнического элемента, оказало значительное влияние на этническую и культурную составляющую населения региона и не могло не повлиять на ход дальнейших событий. По всей видимости, с этого времени сформировавшаяся и достаточно окрепшая родовая знать Картли все сильнее стремится освободиться из-под влияния нахского объединения. При сыне Парнаваза Саурмаге борьба переходит уже в открытую форму. Согласно Мровели, картлийская знать готовила против Саурмага заговор, но тот, своевременно оповещенный об этом, поспешил к нахам (дурдзукам), «к брату матери своей».

Саурмаг, получив военную помощь от нахского правителя, нагрянул на картвелов и жестко расправился с восставшими: «захватил Картли и сокрушил и ...унизил картвелов»[14]. Однако, как показывают последующие события, центробежные силы в Картли постепенно стали набирать обороты и в конечном итоге одержали верх. Картлийская знать нашла также могущественного союзника в лице Селевкидского царства, о чем свидетельствует усиление влияния в Картли зависимой от Селевкидов Мидийской Атропатены. По Мровели Саурмаг женился на дочери царя Мидии Атропатены, а затем усыновил родственника жены перса Мирвана, сына Неброта, который после смерти Саурмага становится царем Картли.

Для понимания значимости данного сообщения и ее правильной интерпретации нужно вспомнить, что, согласно генеалогической концепции Мровели, все народы мира подразделяются на потомков Таргамоса *таргамосиан* (кавказские народы), потомков Неброда (Нимрода) *небротианов* (ассирийцы, мидийцы, персы, народы Селевкидского царства), *хазаров* (кочевые племена Евразии) и народы Средиземноморья (греки и римляне). Развитие истории таргамосиан, особенно на начальном этапе, проходило в борьбе против небротианов (потомки Неброда) и кочевых племен (*хазаров),* т.е.

[14] Мровели Леонти: 30.

таргамосианы и небротианы были непримиримыми врагами. И на этом фоне Саурмаг Таргамосид усыновляет Мирвана, сына Неброта, который затем становится царем. Таким образом, в одной из частей страны Таргамосидов – Картли к власти приходит потомок врага таргамосиан – Мирван.

В приведенных сообщениях Мровели отразились серьезные этнические и политические сдвиги, произошедшие в Картли во время господства здесь Понтийского царства и в последующий период. Можно считать, что приход к власти небротианов – Мирвана, а затем его сына Парнаджома, фактически стал переломным моментом, изменившим дальнейший ход развития Картли. Возрастает влияние Мидии Атропатены и одновременно повышается роль картвельских племен. Приход к власти в Картли Мирвана в конце III в. до н.э. и последовавшие за этим события совпадают по времени с периодом наивысшего расцвета селевкидской империи и царствованием одного из самых выдающихся представителей династии Селевкидов Антиоха III Великого (223–187), предпринимавшего активные действия по расширению империи. В 212 году до н.э. Антиох III отправляется в знаменитый Восточный поход по маршруту армии Александра Македонского, который продлился до 205 года до н.э. Именно после этого похода Антиох III и получает титул *Великий.*

Во времена Восточного похода Антиох III присоединяет к империи полунезависимые сатрапии – Малую Армению, Великую Армению, Мидию Атропатену – и с огромным войском вторгается в центральные районы Южного Кавказа, в пределы нахского раннегосударственного объединения. Учитывая, что приход Мирвана Небротиани к власти в Картли в конце III в. до н.э. совпадает со временем Восточного похода Антиоха III, нельзя исключать, что и воцарение Мирвана произошло при активном содействии селевкидского царя.

Антиох III Великий одерживает победу над нахским объединением и устанавливает свое кратковременное господство в центральных районах Южного Кавказа. К этому периоду относится и сооружение укрепленных ворот Дарубал (Цилканские, Дурдзукские, Сарматские ворота) около Жинвали. Вторжение Антиоха III в Центральное Закавказье и последовавшее за ней

сооружение укрепленных ворот около Жинвали были столь крупными событиями того времени, что сведения о них сохранились не только в древнегрузинской, но и в античной (Страбон, Плиний, Арриан и др.) и раннесредневековой (Прокопий Кесарийский, Агафий и др.) литературе, в которой конечным результатом всего этого является строительство укрепленных ворот на Кавказе, представленное как эпохальное событие.

Если в древнегрузинских источниках деяния Антиоха III Великого приписываются царю Картли Мирвану, то в античной и раннесредневековой исторической литературе – Александру Македонскому, при этом широко распространяется миф о постройке им на Кавказе *Железных ворот* (*Железные ворота Александра Македонского*), чему не приходится удивляться, поскольку позднее с великим полководцем, как правило, связывали все сколько-нибудь значимые события эллинистического периода. По всей видимости, победоносный поход Антиоха III Великого в Центральное Закавказье и послужил основой для мифа о вторжении Александра Македонского в Картли.

Завоевания Антиоха III Великого на Южном Кавказе, приведшие к падению существовавших здесь объединений, создали условия для становления Картлийского царства. Фактически именно с этого времени можно говорить о начале формирования собственно древнегрузинского государственного образования, основателем которого по праву можно считать именно Мирвана Небротиани. В конце I тыс. до н.э. вся территория Центрального Закавказья на протяжении почти одного века подпадает под власть Великой Армении, продолжавшаяся до прихода сюда римлян.

В **Заключении** подводятся общие итоги исследования и делаются основные выводы. Определены границы исторических областей Центрального Закавказья. Выявлены этнический состав, этапы и пути двух миграционных потоков с юга в центральные районы Южного Кавказа. Отмечается динамика и последствия этих событий, особенно второго потока, имевшего место на рубеже IV-III вв. до н.э., который способствовал трансформации хода предшествовавшего развития региона. Приток новой этнической группы в

Картли в этот период приводит к бурным этнокультурным процессам, началу формирования новой общности, появлению новых социальных элит, возвышению, а затем и участию в политических процессах, которые определили центробежные устремления. Переломным моментом, кардинально изменившим ситуацию в регионе, стал поход Селевкидского царя Антиоха III в центральные области Южного Кавказа около 212 – 210 гг. до н.э., в результате которого были разбиты Мидийская Атропатена и Нахское раннегосударственное объединение Центрального Кавказа. Сложившиеся обстоятельства создали благоприятные условия для начала становления Картлийского царства.

По теме диссертации автором опубликованы следующие работы:

1. «Кавказская Албания по «Ашхарацуйцу» Вардана вардапета (XIII в.)» // Вестник общественных наук. № 9. Ереван, 1986. С. 64 – 73.
2. «Об этнониме «нахчаматеанк» «Армянской географии VII века» // История и филология древнего и средневекового Востока. М.: Наука. 1987. С. 125 – 135.
3. «Цанары по «Ашхарацуйцу» (на арм. яз.)» // Тезисы докладов XXI научной сессии Института истории АН Армянской ССР. Ереван, 1987. С. 7 – 8.
4. «Кавказские хоны по «Ашхарацуйцу» // Труды Абхазского государственного университета. Т. 5. Сухум, 1987. С. 56 – 62.
5. «У истоков древней письменности (на абх. яз.)» // Алашара. № 3. Сухум. 1987. С. 114-117.
6. «Малхи античных источников» // Тезисы докладов Всесоюзной научно-практической конференции, посвященной древней и средневековой истории Чечено-Ингушской АССР. Грозный. 1988. С. 8-10.
7. « Об одном общенахском этнониме второй половины первого тыс. до н.э.» // Актуальные проблемы истории дореволюционной Чечено-Ингушетии. Грозный. 1990. С. 9-10

8. «Значение терминов «Грузия» и «Сакартвело» в средневековых источниках.» Сухум: изд-во «Алашара».1994. 29 с.
9. « Термины «Абхазия», «Сакартвело», «Грузия» в средневековых источниках» // Актуальные проблемы истории народов Кавказа. Материалы научной конференции, посвященной З.В. Анчабадзе. — Сухум, 1996. С. 178-183.
10. «Об истоках исторической концепции грузинского историка XI в. Леонти Мровели» // Абхазоведение. Вып. II. Сухум. 2003. С. 109-138.
11. «К вопросу идентификации реки Эгрис-Цкали Джуаншера Джуаншериани» // Абхазоведение. Вып. III. Сухум, 2004. С. 80 – 91.
12. «Граница Азиатской Сарматии с Колхидой и Картли (Иберия)» // Кавказ: история, культура, традиции, языки. По материалам Международной конференции, посвященной 75-летию Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АНА 28-31 мая 2001 г. Сухум: ГУП «Дом печати». 2004. С 154 – 171.
13. «Заметки по этнонимике Южного Кавказа урартской эпохи» // Абхазоведение. История, археология, этнография. Вып. IV. Сухум, 2007. С. 57 – 63.
14. «Аланы, асы и дигоры по «Ашхарацуйцу» // Вестник АНА. № 2. Сухум, 2007. С. 225 – 244.
15. «К вопросу об этнической принадлежности кавказских мосхов (масахов//месхов)» // I международные Инал-иповские чтения. Сухум: РУП «Дом печати». 2011. С. 211 – 233.
16. «Еще раз о восточной границе Абхазии в раннем средневековье» // Абхазоведение. Археология. История. Этнология. Вып. X. Сухум, 2016. С. 54 – 62.
17. «К вопросу о происхождении царских родов Парнавазианов и Багратидов» // Абхазия в мировой истории и международных отношениях. Памяти В.Г. Ардзинба. К 70-летию со дня рождения /

Материалы Международной научной конференции, Сухум, 14-17 мая 2015 г. Сухум-Москва. АбИГИ. ИВ РАН. 2016. С. 180 – 194.

18. «Соаны Страбона» // Ингушетия в контексте научных проблем и перспектив изучения Кавказа (к 90-летию Ингушского научно-исследовательского института). Материалы Международной научной конференции. Г. Магас, 14-16 ноября 2016 г. Магас. 2016. С. 90 – 97.
19. «Нахи: вопросы этнокультурной истории (I тыс. до н.э.).» Сухум: Абгосиздат. 2016. 544 с.;
20. «Нахи: вопросы этнокультурной истории (I тыс. до н.э.).» 2-е изд., доп.: Москва: изд-во Литера. 2017. 552 с.
21. «История нахов Передней Азии, Кавказа и Чечни с древнейших времен до XV века.» В соавторстве Я.З. Ахмадов, Д.С. Курумов, Э.С. Хасмагомадов. М.: изд-во «Литера». 2019. 686 с.
22. «Саспиры (сасперы) Геродота» // Труды Абхазского государственного музея. Вып. VII. Сухум: Абгосиздат, 2018. С. 95-105.
23. «Кавказская Гиркания античных источников» // Вестник АНА, № 6. Сухум: «Academia», 2016. С. 172 - 184.
24. «Проблемы этногенеза и этнокультурной истории нахских народов» // «Этногенез и этническая история народов Кавказа». Сборник материалов I Международного нахского научного конгресса (г. Грозный. 11–12 сентября 2018 г.) Грозный: АО «Издательско-полиграфический комплекс «Грозненский рабочий», 2018. С. 19 – 28.
25. «Из исторической географии центральной части Южного Кавказа» // Материалы научной конференции, посвященной 100-ю З.В. Анчабадзе (Ачба). Сухум: АГУ, АбИГИ, 2020. С. 98 – 119.
26. «К исторической географии Картли» // Абхазоведение. Историческая серия. Вып. XII. Сухум, 2020 (в печати).